

К юбилею Н.И. Гиясова

УДК 81.821.08

Р.А. Низомидинова (Худжанд, Республика Таджикистан)

Развитие и эволюция истории таджикской лексикографии в Средневековье

Аннотация: Рассматриваются развитие и эволюция истории таджикской лексикографии в Средние века. Подчеркивается, что внимание ученых-лингвистов в области лексикографии всегда привлекают произведения энциклопедического характера – словари. Они во-первых, сохраняют реальную лексическую среду и знания эпохи их создания; во-вторых, словари и имеющиеся в них знания четко отражают лингвистические взгляды своих авторов, в которых выражаются новые уникальные идеи, содержащиеся в комментариях и в интерпретации словарных единиц.

Ключевые слова: развитие таджикской лексикографии, Средние века, взгляды ученых-лингвистов, различные аспекты словарей

R.A. Nizomidinova (Khujand, Tajikistan Republic)

The Development and Evolution of the History of Tajik Lexicography in the Middle Ages

Abstract: The article dwells on issues concerning the development and evolution of the history of Tajik lexicography in the Middle Ages. It is underscored that scholar in linguistic studies' attention in the field of lexicography is always attracted by such works from different aspects, because, first of all, dictionary and knowledge covers the real lexical environment of the era of their creation, second of all, dictionary and knowledge clearly reflect their authors' linguistic opinions expressing new and unique ideas in vocabulary items commentary and interpretation.

Key words: development of Tajik lexicography, Middle Ages, scholar in linguistic studies' attention, different aspects, dictionary and knowledge

Интерес исследователей к лексикографическим произведениям всегда неиссякаем, поскольку обусловлен постоянной трансформацией языка, возникновением нового лексикона, выразительных средств, неологизмов и историзмов. В силу

внутреннего развития словарного состава языка возникают и усиливаются языковые закономерности управления лексикой, придавая ей семантическое расширение. Все эти трансформации отражаются в особой отрасли лингвистической науки – лексикографии, задача которой – отразить сведения о слове, его толкованиях, грамматических характеристиках, нормах произношения и написания, включая семантическую парадигму и смысловую связь с другой лексикой. История персидско-таджикской лексикографии уходит корнями в глубокую древность, а начало ей было положено первыми толкованиями непонятных и неясных читателям слов, фраз и предложений, размещенными вначале будто бы невзначай на полях поэтических произведений. Авторы поэтических произведений делали некоторые пометки на полях с пояснением слов, значение которых, по их мнению, не было доступно читателю. Изысканная персидско-таджикская речь, как и речь языков всех народов мира, имеет свои особенности, выражаемые посредством бесчисленного множества изящных и уникальных слов, выражений и словосочетаний. Чтобы не затеряться в этом море замысловатых, но отчасти неясных слов, выражений и толкований, не быть в недоумении от их непонятного смысла и содержания, люди обращаются к словарям и энциклопедиям. Именно с этой примитивной, по нашему мнению, потребности и получила развитие лексикография. За тысячелетие собственного существования она прошла множество этапов развития и в настоящее время обрела совершенную форму.

Персидские словари, которые по их первоначальному назначению относят к интерпретативным творениям, на самом деле являются чрезвычайно богатым, загадочным и сложным жанром средневековой литературы научного направления, связывающим прочной нитью лингвистический, научный и поэтический аспекты. Словари были вспомогательным средством в чтении и объяснении поверхностного и глубокого смысла и значения слов и словосочетаний, в исправлении и сочинении поэтических текстов. Возникновение, становление и развитие персидско-таджикской лексикографии относится к IX–X вв. и было обусловлено развитием персидско-таджикского языка (дари) и литературы, появлением множества литературных произведений, необходимостью интерпретации и толкования сложной и непонятной лексики [3: 9]. Интерпретация непонятных слов признается основным фактором возникновения подобных произведений, которые в дальнейшем сформировали большую часть персидско-таджикской литературы и языка. Первые персидско-таджикские словари не дошли до нашего времени; по данным источников, имеются косвенные свидетельства существования самого первого словаря, составленного Абухафсом Сугди и относимого к концу X – началу XI в. Ни одной рукописи упомянутого словаря до настоящего времени не найдено. Этот словарь известен также под названиями «Рисолаи Абӯхафси Суғдӣ», «Лугати Абухафси Сугди», «Рисолаи Абухафс», «Фарханги Абухафс» [7: 12]. Сведения из указанного словаря часто цитируются в других классических произведениях, и только по этим цитатам можно представить его лексикографическую сущность. Тот факт, что в своем словаре автор цитирует стихи Абуабдуллаха Рудаки и Унсури, дает основание уверенно предположить, что произведение написано в последней четверти X или в первой половине XI в., но не ранее 980 г. [7: 13]. Шамси Кайс Рази в книге «Аль-Муджам фи маоир-ил-ашар-иль-Аджам» называет Абухафса Сугди знатоком музыкального инструмента «шахруд». Из стихотворений Абухафса Сугди сохранились только два бейта и четыре слова, процитированных Абду-

рашидом Таттави из словаря Абухафса. Эта книга также дважды упоминается в «Шамс-ул-лугат» [7: 13].

Известен другой древний словарь – «Тафасир фи-л лугати-л-фурс», или «Словарь Катрана», составленный Катраном Табрези, современником Абуабдуллаха Рудаки, сведения о нем существуют в более поздних словарях в виде цитат и ссылок. Ключевым фактором возникновения словаря считаются затруднения Катрана в толковании поэтического дивана Мунджика Табрези, свои объяснения и интерпретации он позже представил в форме словаря, поскольку увидел в этом необходимость. Собственный стиль Катрана – хорасанский, и поэтому его интерес к поэзии хорасанского стиля безграничен. Словарь предназначался в основном для толкования лексики из «Шахнаме» Абулькасима Фирдоуси. В нем также сохранились образцы поэзии Рудаки, Дакики, Фирдоуси, Мунджика, Муиззи, Унсури, Фаррухи, Асджади, Носира Хусрава, Санай, Сузани, Хакани и Низами [8: 72].

По мнению Ш. Накави, «Словарь Фахри Кавкас» содержит около 20 000 слов. Характеризуя его, Ш. Накави отмечает следующее: «В “Словаре Фахри Кавкас” встречается больше арабской лексики, и именно по этой причине он причисляется к словарям арабского языка, в котором смысл интерпретирован на персидском языке, чтобы его могли использовать носители персидского языка» [5: 55; 6: 35]. В классический период развития персидско-таджикского языка, начиная с XI в., в персидско-таджикской литературе было составлено множество словарей: «Лугати фурс» Асади Туси, «Фарханги Джахангири» Хусайна Инджу, «Бахори Аджам» Бахора, «Фархангнома» Хусайна Вафаи, «Фарханг Рашиди» Абдуррахмана Таттави, «Бурхони котей» Мухаммадахусайна Халафа Табрези, «Гияс-ул-лугат» Мухаммада Гиясуддина Ромпури, «Чароги хидаят» Алихани Орзу и др. Следует упомянуть, что Асади Туси признан основоположником жанра персидского словаря, который своим древнейшим произведением, дошедшим до нашего времени, «Лугати фурс» («Персидский словарь»), составленным в XI в., заложил фундаментальные основы персидской лексикографии. Структура и содержание словаря Асади Туси, несомненно, оказали существенное влияние на последующие словари, в дальнейшем признанные логическим продолжением этого известного древнего словаря. Упомянутый словарь можно смело назвать самым древним и авторитетным свидетельством не только персидско-таджикской, но и мировой лексикографии в целом. Словари, написанные под его впечатлением и под его влиянием с его самобытным мастерством и стилем, обогатили сокровищницу мировой литературы в области лексикографии. По мнению Ф. Гиясовой, почти двести различных словарей, составленных после произведения Асади Туси, часть которых сохранилась до нашего времени, а от некоторых остались лишь названия, свидетельствуют о мощном развитии лексикографии в средневековый период существования персидско-таджикской литературы [1: 7]. Таджикский исследователь В.А. Капранов осуществил многоаспектное исследование «Лугати Фурс» [5], опубликованы также статьи Саида Нафиси [10: 1150–1157], Содика Киё [12: 1–9] и Ахмеда Тафаззули [2: 333–336], посвященные упомянутому словарю.

Исследуя этапы становления и эволюции культуры, исследователи лексикографии разделили ее на два этапа: первый, X–XV вв., получил название лексикографии литературного круга Хорасана, лексикография позднего периода – культуры Индийского субконтинента. По словам Саида Нафиси, «для персидского языка написаны сотни словарных книг во всем мире, и около восьмидесяти процентов из них написаны в Индии» [9: 182]. С.А. Баевский отмечает, что иранское языкозна-

ние в Средние века развивалось посредством словарей-фархангов: «Лексикография была одной из важнейших областей средневековой письменной культуры» [3: 115]. Он делит средневековые персидские словари на три группы: толковые словари, двуязычные пояснительные словари языка того или иного произведения и словари терминов [3: 115].

Средневековой персоязычной литературе Индии посвящено множество научных исследований как в области литературоведения, так в изучении языковых аспектов данной эпохи и особенностей литературного круга данного ареала. Взаимное влияние языков – персидско-таджикского языка и хинди – имеет древнюю историю и произошло в ходе завоевания территорий и стран сначала арабами, а затем и персоязычными правящими династиями. Завоевание территории Северной Индии династиями Тахиридов и Саффаринов привело к тому, что персидско-таджикский язык на долгие века стал официальным языком на всем Индийском субконтиненте, на нем осуществлялось государственное управление и дело-производство.

Касательно истории персидско-таджикской лексикографии Индийского субконтинента следует отметить, что период ее расцвета и великолепия относится к началу XII – XV в. Ключевым фактором развития культуры в этот период стало расширение влияния персидско-таджикского языка на Индийском субконтиненте, что привело к развитию ряда направлений языкознания. Необходимость изучения персидско-таджикского языка стала предпосылкой создания произведений, разъясняющих персидско-таджикский язык коренному населению этой территории. Как мы уже упоминали, среди влиятельных персоязычных словарей, написанных на территории Индийского субконтинента в раннее Средневековье, были «Фарханги Фахри Каввас» Фахриддина Мубаракшаха Кавваса, «Фарханги зуфонгуё ва джахонпуё» Бадриддина Ибрахима и «Адот-ул-фузала» Казихана Дарвала.

По мнению Н. Рахмонзода: «Чтение персидско-таджикских литературных трудов того времени было довольно часто затруднено ввиду употребления поэтами архаичных слов, множества исторических имен, легендарных и мифологических персонажей, географических названий, терминов из разных сфер науки и культуры, а также употребления поэтами диалектных слов в незнакомых или аллегорических смыслах. Более того, сложная для понимания поэзия и витиеватая проза требовали от читателя свободного владения обширной лексикой литературного фарси. Таким образом, толковые словари таджикского языка становятся для аудитории незаменимым “путеводителем” по персидско-таджикской поэзии и литературе» [7: 95].

В отличие от древних словарей, словари исследуемого периода уже содержали лексику, касающуюся большего количества сфер, и имели относительно большой словарный запас. Исследователь Ф. Гиясова отмечает, что «“Лугати Фурс” содержал 1 700 слов, “Фарханги Каввас” – 1 339 слов, “Сихах-ул-фурс” – 2 300 слов, “Фарханги зуфонгуё ва джахонпуё” – приблизительно 5 170 слов...» [13: 30]. Несложно сделать вывод, что по мере развития жанра толкового словаря его характерной особенностью стало увеличивающееся количество словарных статей, что также свидетельствует о глубоком проникновении персоязычной литературы на Индийский субконтинент.

Среди особенностей развития лексикографии в этот период можно назвать все более развивающуюся тенденцию подхода к лексическим статьям, которая выразилась в расширении лексикографического пространства и его реконструкции

с целью дать читателю полный и развернутый ответ. По мнению Т.И. Битеевой, восприятие лексикографом своего читателя определяет признаки и отличительные особенности словаря [4: 13]. То есть внимание к читателю, а в случае с персоязычной литературой – к иноязычным носителям, которые изучали сложную персидско-таджикскую литературу, предусматривают помощь при вхождении в прежде неизвестную языковую сферу, новую языковую картину. Трудности, возникающие в процессе изучения языка, не могли быть преодолены без ясного понимания культурных основ и принципов строения этого языка. Представление о персоязычной культуре, о персоязычном мире возникает не только в связи со средой и реальностью, в которую попадают и которую изучают, но и посредством языка. В этот период уже требовалось более широкое семантическое обрамление лексических единиц за счет культурных интерпретаций и внимания к обстоятельствам их употребления.

В данном контексте уместны слова автора одного из относительно малоизвестных средневековых словарей «Данишнаме-и Кадархан» Ашрафа ибн Шарафа аль-Музаккара аль-Форуки. В лексикографических исследованиях различных этапов развития персидско-таджикской литературы этот толковый словарь упоминается редко, не считая отдельных ссылок и кратких исследований в контексте какой-либо лингвистической или литературоведческой проблемы. Согласно упомянутому нами принципу антропоцентрической лексикографии, подразумевающему внимание к человеку, изучающему неизвестный язык, его непонятную лексику, во введении к словарю «Данишнаме-и Кадархан» ал-Форуки вполне уместно звучит следующее: «Банда мифтохи ифтитохи хизонаи фузало ва шуаро ва ошкор кардани маонӣ баҳри ашхоси хукамо таълиф кардам / Я создал ключ для отмыкания замка сокровищниц мудрецов и поэтов и для раскрытия содержания слов ученых мужей» [1: 1].

По нашему мнению, автор этого средневекового словаря пошел несколько дальше традиций составителей предшествующих словарей и учел подход, касающийся внимания к ориентированному на слово человеку. Этот подход отличается от ранее использовавшихся в словарях, т. е. от интерпретации лексики и языка автор перешел к интерпретации слов, обращенных к конкретному адресату [читателю]. По мнению российского ученого А.А. Потебни, «заслуга автора заключается не в наименьшем [минимуме] содержания, которое он хотел создать при сочинении, а в предмете изображения, воспроизводящем самое разнообразное содержание» [11: 181]. На наш взгляд, подобный подход можно наблюдать в «Данишнаме-и Кадархан» аль-Форуки, где автор поручает читателю процесс осмысления очередного образа посредством предоставления слов и их краткого пояснения. Антропоцентрический подход к слову дает возможность достичь такой интерпретации языка, которая восстанавливает единство субъекта и объекта, т. е. «лексической личности» и «словарной статьи».

Из теоретических принципов данного подхода следует, что толкование малоизвестных и сложных слов из персидско-таджикских литературных произведений расширяет семантику лексической единицы за счет интерпретации и толкования в контексте культурных ценностей и учитывает их употребление в речи конкретного периода, традиции и нормы употребления лексики, смысловые дополнения к слову, проясняющие его понятийное и грамматическое содержание.

Несмотря на то что название этого произведения крайне редко упоминается и незнакомо исследователям, оно является важным литературным и лингвистиче-

ским источником, имеющим не изученный до конца лексикографический потенциал. Словарь является важным звеном в истории становления и развития лексикографии на Индийском субконтиненте как образец творения индийской школы лексикографии, оказавшей существенное влияние на дальнейшие традиции персидско-таджикской лексикографии в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ал-Форуқӣ Ашраф ибн Шараф ал-Музаққир*. Донишномаи Қадархон (Матни факсимиле) / Фароҳамоварандағони матн, муаллифони муқаддима ва тавзеҳот Н.И. Гиёсов ва Р.А. Низомаддинова. Хучанд: Ношир, 2013. 300 с.
2. *Аҳмад Тафаззулӣ*. Як луғати кухнаи форсӣ. Табрэз: Нашрияи донишкадаи адабиёти Табрэз, 1334. 400 с.
3. *Баевский С.И.* Ранняя персидская лексикография. XI–XV. М.: Наука, 1989. 166 с.
4. *Битеева Т.И.* Оиди баъзе тасхеҳи мафҳумҳои лексикографӣ // Паёми ДДН. Силсилаи таърих, филология. 2012. Ҷ. 11. Нашри 9. С. 13–17.
5. *Капранов В.А.* «Луғати фурс» Асади Туси и его место в истории таджикской (фарси) лексикографии. Душанбе: Изд-во АН Тадж. ССР, 1964. 213 с.
6. *Нақавӣ Ш.* Фарҳангнависии форсӣ дар Ҳинду Покистон. Техрон: Сухан, 1342. 150 с.
7. *Насриддинов А.* «Шамс-ул-луғот» ва аҳамияти он барои луғатшиносии тоҷик. Душанбе: Ирфон, 1982. 220 с.
8. *Насриддинов А.* Шарҳнависӣ дар таърихи адабиёти фурсу тоҷик. Ҷ. 2. Хучанд: Раҳим Чалил, 2001. 264 с.
9. *Нафисӣ С.* Фарҳанги форсӣ // Луғатномаи Деҳхудо. Муқаддима. Техрон: Интишороти Донишгоҳи Техрон, 1999. С. 182–186.
10. *Нафисӣ С.* Аҳвол ва ашъори Абуабдулло Ҷаъфар бинни Муҳаммад Рӯдакии Самарқандӣ. Ҷ. 3. Техрон: Нигоҳ, 1319. С. 1150–1157.
11. *Потебня А.А.* Эстетика и поэтика. М.: Наука, 1976. 200 с.
12. *Содиқи Киё*. Кухнатарин дастнависи «Луғати фурс». Табрэз: Нашрияи донишкадаи адабиёти Табрэз, 1334. 120 с.
13. *Фаҳриддин Муборақшоҳ* Қаввоси Ғазнавӣ. Фарҳанги Қаввос / Фа-роҳамоварандағони матн, муаллифони пешгуфтор, тавзеҳот ва феҳристон: М. Хечаева ва С. Саидов. Хучанд: Нури маърифат, 2003. 292 с.
14. *Giyosov N.I., Ashrapov B.P.* Brief Essay on Copies of Historical Production Entitled as “Tuhfat-ul-khani” by Muhammadwafo Karminagi // Рефлексия. 2021. № 5. Р. 7–9.

REFERENCES

1. al-Foruqi Ashraf ibn Sharaf al-Muzakkir. (2013) Qadarkhan’s Encyclopedia (facsimile text) / Publishers of the text, authors of the introduction and explanations N.I. Ghiyasov and R.A. Nizamaddinova. Khujand. Publisher Publ. 300 p.
2. Ahmad Tafazzuli. An Old Persian Dictionary. Tabrez. Tabrez Institute of Literature Publ. 1334. 400 p
3. Baevsky S.I. (1989) Early Persian Lexicography. XI–XV. Moscow. Nauka Publ. 166 p.
4. Biteeva T.I. On Certain Adjustments of Lexicographic Notions. *Bulletin of SDU. Series of History, Philology*. 2012. Vol. 11. Issue 9, pp. 13–17.
5. Kapranov V.A. (1964) “Lughati Fars” by Asadi Tusi and Its Place in the History of Tajik (Persian) Lexicography. Dushanbe. Publishing-house of AS of the Tajik USSR Publ. 213 p.

6. Naqavi Sh. (1343) Persian Lexicography in India and Pakistan. Tehran. Sukhan Publ. 150 p.
7. Nasriddinov A. (1982) “Shams-ul-lughot” and Its Importance for Tajik Lexicography. Dushanbe. Cognition Publ. 220 p.
8. Nasriddinov A. (2001) Commentary on the History of Persian-Tajik Literature. Vol. 2. Khujand. Rahim Jalil Publ. 264 p.
9. Nafisi S. Persian Dictionary. In: Dictionary of Dekhudo. Introduction. Tehran. Tehran University Press Publ. 1999, pp. 182–186.
10. Nafisi S. (1319) Abu Abdullah Ja’far bin Muhammad Rudaki Samarkandi’s Lifestyle and Poetry. Vol. 3. Tehran. View Publ., pp. 1150–1157.
11. Potebnia A.A. (1976) Aesthetics and Poetics. Moscow. Nauka Publ. 200 p.
12. Sadiq Kiyo. (1334) The Oldest Manuscript of “Lughati Furs”. Tabrez. Publication-house of Tabrez Institute of Literature Publ. 120 p.
13. Fakhriddin Mubarakshoh Qawwos Ghaznavi. (2003) Farhangi Qawwos / Editors of the text, authors of foreword, explanations and catalogs M. Khujaeva and S. Saidov. Khujand. Light of Enlightenment Publ. 292 p.
14. Giyosov N.I., Ashrapov B.P. Brief Essay on Copies of Historical Production Entitled as “Tuhfat-ul-khani” by Muhammadwafo Karminagi. *Refleksiya*. 2021. No 5, pp. 7–9.

Сведения об авторе:

Рухсора Абдуджамилевна Низомидинова,
ст. преподаватель
факультет восточных языков
Худжандский государственный университет
имени академика Б. Гафурова

Rukhsora N. Abdujamilovna,
Senior Lecturer
Faculty of Oriental Languages
Khujand State University
named after academician B. Gafurov

grammatika-arab@mail.ru